

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ¹⁾.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

ГЛАВА V.

Побѣда при Маренго произвела сильное впечатлѣніе не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Франція, истомленная ужасами революціоннаго правительства, истощенная непрерывными войнами, жаждала мира съ Европой и внутренняго спокойствія. На сѣверѣ еще не совсѣмъ улеглась внутренняя война; югу угрожало вторженіе австрійскихъ войскъ съ помощью Англіи. Битва при Маренго не только отклонила опасность, но возвратила всѣ потери, понесенныя въ Италіи, и доставила Франціи славу и спокойствіе. Австрія, открывая послѣднія дѣйствія, была увѣрена, что одержитъ побѣду надъ истощенною французскою республикою, которая, по ея расчетамъ, не была въ состояніи противопоставить ей достаточнаго количества войскъ, особенно въ Италіи, но, послѣ битвы при Маренго, была ошеломлена и окончательно убѣдилась въ невозможности борьбы не съ самою Франціею, но съ геніемъ перваго консула, управлявшаго ея судьбами. Съ этого времени мысль о непобѣдимости Бонапарта, какъ военачальника, распространилась повсюду, бессознательно уронила бодрость духа и вселила невольный ужасъ. Но вмѣстѣ съ этимъ ужасомъ его дѣйствія внутри Франціи возбудили надежды, что его могучая воля положила конецъ революціи и способна установить и упрочить благоустроенное правительство во Франціи и тѣмъ водворить прочный миръ въ утомленной войнами Европѣ. Ни личныхъ свойствъ, ни тайныхъ помысловъ Бонапарта никто не зналъ и всѣ питали надежды, что онъ будетъ дѣйствовать въ видахъ общей пользы, которую, конечно, каждый пони-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1911 г.

малъ по-своему. Бурбоны думали, что, успокоивъ Францію, онъ возстановитъ старую монархію и призоветъ на престолъ падшую династію. Питая такую надежду, Людовикъ XVIII вошелъ въ переписку съ нимъ въ этомъ смыслѣ и также, какъ не задолго передъ тѣмъ съ генераломъ Пишегрю, обѣщая не забыть его милостями, когда сядетъ на престолъ своихъ предковъ. Многіе роялисты, особенно эмигранты, раздѣляли образъ мыслей своего короля. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно тѣ, которые возвратились во Францію и возвратили свои прежнія имущества, и умѣренные республиканцы, пресыщенные дѣйствіями республиканскаго правительства, примирались съ мыслью о возстановленіи монархіи въ лицѣ самого Бонапарта, не старой монархіи, а новой, согласной съ началами гражданской свободы и равенствомъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и генераль Моро.

Такіе взгляды проникли въ кабинеты европейскихъ государствъ, и съ этого времени мысль объ укрощеніи революціи и возстановленіи старой монархіи во Франціи отошла назадъ. По мѣрѣ того, какъ въ общемъ мнѣніи падали права Бурбоновъ, развивалась мысль о возможности поддерживать порядокъ и спокойствіе Европы, вступивъ въ старыя отношенія съ новымъ правительствомъ Франціи, во главѣ котораго стоялъ такой геніальный человѣкъ, какъ Бонапартъ. Съ особенною рѣшительностію этотъ взглядъ выразился въ Россіи, въ лицѣ императора Павла и его министра иностранныхъ дѣлъ гр. Ростопчина. Послѣдствія союза съ Австріею и Англіею 1799 г., по словамъ гр. Ростопчина, состояли въ томъ, что „Россія потеряла 23 тысячи человѣкъ единственно для того, чтобы убѣдить себя въ вѣроломствѣ Питта и Тугута, а Европу въ безсмертіи кн. Суворова“.

Справедливо раздраженный противъ коварныхъ дѣйствій своихъ союзниковъ, русскій императоръ не вступилъ въ коалицію 1800 года. Это благопріятное для Франціи событіе безъ сомнѣнія должно было возбудить вниманіе Бонапарта, и онъ дѣйствительно всѣми способами старался войти въ сношенія съ Россіею и втянуть ее въ союзъ съ Франціею. „Франція“, писалъ гр. Ростопчинъ въ докладной запискѣ императору, „въ теченіе десяти лѣтъ безъ закона и безъ правленія, чрезъ непонятныя происшествія, произведенныя варварствомъ, сумасшествіемъ и геройствомъ, привела не только себя, но и двѣ трети Европы въ совершенный хаосъ, возставъ противъ монархическаго правленія природныхъ своихъ государей, оканчиваетъ нынѣ преданіемъ себя въ самовластіе иноземца Бонапарта и въ самомъ

изнеможеніи своемъ похваляется въ видѣ завоевательницы обширныхъ земель и законодательницы въ Европѣ. Нынѣшній повелитель сей державы слишкомъ самолюбивъ, счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и неограниченъ въ славѣ, дабы не желать мира. Имъ онъ утвердить себя въ начальствѣ, пріобрѣтетъ признательность утомленнаго французскаго народа и всей Европы и употребить покой внутренній на приготовленія военныя противъ Англии, которая своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, а злодѣй Франціи. Бонапартъ не можетъ опасаться покушенія ея на твердой землѣ, миръ же возстановитъ свободное мореплаваніе. Силы Австріи онъ всѣ истощилъ, Пруссія отъ него въ зависимости, и такъ остается ему страхъ только отъ Россіи. Истина сего доказывается всѣмъ его поведеніемъ противъ Вашего Императорскаго Величества. Сколько покушеній съ его стороны было, черезъ прусское и датское министерства, чрезъ Вашихъ у разныхъ дворовъ аккредитованныхъ министровъ и чрезъ другихъ особъ, доступъ имѣющихъ, дабы вступить въ переговоры и, произведя сближеніе, перемѣнить непріязненное положеніе Россіи къ Франціи на дружеское? Для чего Бонапартъ, отъменно противъ прочихъ державъ, содержалъ русскіихъ военнопленныхъ и предлагалъ Мальту возвратити Вамъ, яко великому магистру ордена? Онъ не только иначе, нежели къ другимъ, относился къ русскимъ пленнымъ, но одѣлъ ихъ и, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, возвратилъ въ Россію, явно привлекая ее въ дружескія отношенія въ это время, когда и самъ русскій кабинетъ шелъ навстрѣчу его желаніямъ. Онъ предполагалъ заключить наступательный союзъ съ Франціей, съ цѣлью изгнанія турокъ изъ Европы и раздѣла европейскіихъ и африканскіихъ ея владѣній между Россією, Франціей и Австріей, удовлетворивъ въ то же время постоянное желаніе Пруссіи, предоставленіемъ ей Ганновера. По этому предположенію Франція получила бы Египетъ, Австрія—Боснію, Сербію и Валахію, изъ Греціи со всѣми островами архипелага предполагалось устроить республику, по примѣру Венеціанской; къ Россіи отошла бы Молдавія, Болгарія и Румелія съ Константинополемъ ¹⁾. Могли ли эти предполо-

¹⁾ Записка гр. Ростопчина, подъ заглавіемъ: „Картина Европы въ началѣ XIX вѣка и отношеніе къ ней Россіи“, представленная императору Павлу Петровичу и утвержденная имъ 2 октября 1800 г. въ Гатчинѣ. Ср. Сборникъ Кашпарева, памятники Новой Русской Исторіи, т. I, стр. 102 и слѣд.; Архивъ кн. Воронцова, т. VIII; письмо гр. Ростопчина 20 іюля 1801 г., стр. 286—293.

женія удовлетворить перваго консула Франціи? Развѣлись ли его замыслы въ это время до желанія полнаго господства надъ міромъ? Едва-ли возможно отвѣчать положительно на эти вопросы; но положительно можно сказать, что предположенія, направленные противъ Англіи, должны были встрѣтить сочувствіе съ его стороны. Между тѣмъ всѣ эти предположенія предполагали прежде всего вражду противъ Англіи. Дѣйствія Бонапарта, въ качествѣ императора Франціи, еще стояли впереди въ будущемъ и, конечно, не могли еще быть извѣстны, между тѣмъ своекорыстная и хищническая политика Англіи, стремившаяся къ безусловному господству на моряхъ, выразилась окончательно и, безъ сомнѣнія, не могла не возбудить опасеній. Естественно, что русскій кабинетъ выступилъ первый противъ морского разбоя и захвата чужихъ колоній. Не вступая еще въ прѣмыя сношенія съ первымъ консуломъ Франціи, онъ открылъ переговоры о возобновеніи вооруженнаго морского нейтралитета между сѣверными державами, придуманнаго мудрою политикою Екатерины. Ровное значеніе этихъ переговоровъ, конечно, было сразу понято Англіею, и, безъ сомнѣнія, ихъ понималъ бы и первый консулъ Франціи; но внезапная кончина императора Павла измѣнила ходъ политическихъ отношеній. Между тѣмъ значеніе перваго консула поднималось какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія Франціею, такъ и во внѣшней политикѣ, и дало ему возможность свое консульство превратить въ пожизненное, а потомъ—въ имперію.

Въ то время, когда все вниманіе сосредоточивалось на Бонапартѣ, Моро возвратился въ Парижъ. Блестящая побѣда при Гогенлинденѣ почти не была замѣчена большинствомъ и оцѣнена немногими, какъ и весь его походъ въ Германію. Первый консулъ счелъ нужнымъ встрѣтить его привѣтливо, а эта привѣтливая встрѣча была причиною того, что Моро, отказавшійся впослѣдствіи отъ знака Почетнаго Легіона, принялъ отъ него пистолеты, украшенные драгоценными камнями и съ подписями всѣхъ его побѣдъ. Но затѣмъ Рейнская армія была распущена, а онъ оказался не у дѣлъ и проживалъ, какъ зритель совершавшихся на его глазахъ происшествій, сначала въ Парижѣ, а потомъ въ своемъ помѣстьѣ, рѣдко прѣзжая въ Парижъ и никогда не посѣщая Тюильрскаго дворца, куда его и не приглашали; а въ качествѣ поклонника, искателя милостей онъ не былъ способенъ являться. Но такое именно общественное положеніе и представляло величайшую опасность для Моро. На генерала, обладавшаго большими военными дарованіями,

доказанными на дѣлѣ, любимаго войсками, на человека, котораго всѣ, недовольные дѣйствіями Бонапарта, считали единственнымъ его соперникомъ, способнымъ занять его мѣсто во главѣ правительства, не могъ равнодушно смотрѣть первый консулъ, мечтавшій о коронѣ Франціи. Онъ окружилъ его полицейскимъ надзоромъ и зналъ каждое его дѣйствіе, каждое его слово. А эти слова и дѣйствія естественно раздражали болѣе и болѣе его ненависть къ Моро, къ которому стремились всѣ, недовольные настоящимъ порядкомъ дѣлъ, и который самъ принадлежалъ къ ихъ числу, какъ по личнымъ къ нему отношеніямъ перваго консула, такъ и потому, что ясно видѣлъ его стремленія къ деспотической власти. Быть можетъ, онъ заблуждался вмѣстѣ съ другими лучшими людьми во Франціи, что на почвѣ, взволнованной революціею, послѣ необузданныхъ республиканскихъ правительствъ, можетъ непосредственно возникнуть государственное устройство на началахъ разумной свободы и законности; но его убѣжденія были искренни. Его враги и друзья одинаково свидѣтельствуютъ, что онъ не думалъ о возстановленіи Бурбоновъ и одинаково былъ чуждъ какъ замысловъ роялистовъ, такъ и насильственныхъ дѣйствій противъ современнаго правительства, къ которымъ были склонны ярые республиканцы. „Бурбоны слишкомъ уронили себя въ общественной мнѣніи и ихъ замысловъ не стоитъ опасаться“, говорилъ онъ Лафайету. „Мы не годимся въ заговорщики“, говорилъ онъ сенатору Гара, толковавшему о необходимости государственнаго переворота; „но я знаю заговорщика, отъ котораго не уйдетъ Бонапартъ: это онъ самъ, онъ самъ-себя погубитъ своими сумасбродными дѣйствіями“. Безъ сомнѣнія, первому консулу были извѣстны подобныя возврѣнія Моро и—не могли быть пріятны. Но въ нихъ не заключалось ничего преступнаго и даже двусмысленнаго, къ чему бы можно было придраться. Но такое именно положеніе все болѣе и болѣе раздражало перваго консула, до котораго доводили острыя замѣчанія какъ самого Моро, такъ и нѣкоторыхъ лицъ, составлявшихъ его общество, на его дѣйствія, обличавшія стремленія къ коронѣ. Не считая еще возможнымъ, въ качествѣ главы республики, возстановить почетныя званія, титулы и награды, онъ раздавалъ въ видѣ наградъ почетныя ружья, шпаги, трубы и т. под. За однимъ изъ обѣдовъ у Моро, который его повару удалось особенно хорошо приготовить, собесѣдники Моро предложили поднести ему *почетную кастрюлю* (casseroles d'honneur). За остроты и шутки Бонапартъ мстилъ ѣдкими насмѣшками, выдавая Моро

за посредственность даже въ военномъ дѣлѣ и называя генераломъ, годнымъ лишь для отступленій (*général des rétraites*). Конечно, такое отношеніе между нимъ и Моро и такъ не могло бы продолжаться долго въ виду все болѣе и болѣе возраставшей власти перваго консула; но случайныя обстоятельства дали ему возможность прекратить его скорѣе, быть можетъ, нежели онъ самъ предполагалъ, и онъ ухватился за нихъ со всею горячностью личной ненависти.

Пользуясь разрывомъ съ Англіею, при ея пособіи, роялисты затѣяли новый заговоръ на новыхъ началахъ, подсказанныхъ имъ однимъ изъ шпионовъ перваго консула, наблюдавшимъ за ихъ же дѣйствіями въ Лондонѣ. Они задумали соединить и примирить двѣ непримиримыя силы: республиканцевъ, возстававшихъ противъ деспотизма Бонапарта, съ роялистами, желавшими восстановленія Бурбоновъ на престолѣ Франціи. Этотъ негѣпный по своей сущности заговоръ доказалъ только справедливость мнѣнія Моро о замыслахъ роялистовъ, которые вообще опасны быть не могутъ. Они не были опасны и по той причинѣ, что Франція въ это время имъ вовсе не сочувствовала; но въ этомъ отношеніи заговорщики заблуждались потому, что получали ложныя свѣдѣнія о настроеніи общественнаго мнѣнія во Франціи. Политическія партіи въ этой странѣ отличаются особеннымъ свойствомъ: онѣ не умѣютъ сосчитать своихъ силъ и заносчиво преувеличиваютъ ихъ, въ размѣрахъ, далеко превышающихъ дѣйствительность. Придуманный способъ исполненія этого заговора ручался такъ же за его несостоятельность.

Одинъ изъ непримиримыхъ вождей вандейцевъ, Жоржъ Кадудаль не принялъ помилованія отъ перваго консула и, удалившись въ изгнаніе, находился въ Лондонѣ. Генералъ Пишегрю, обманувъ стражу,—удачно освободился изъ форта Сихкамори въ Гвіанѣ и также находился тамъ. Бурбонскіе принцы, графъ Д'Артуа и герцогъ Берри съ окружавшими ихъ роялистами, при пособіи англійскаго золота, рассчитывали на этихъ двухъ лицъ, какъ на главное орудіе для приведенія въ исполненіе новой попытки восстановленія старой монархіи во Франціи, составлявшей постоянную мечту членовъ павшей династіи. Но первымъ дѣломъ въ этомъ случаѣ предстояло избавиться отъ главной преграды къ исполненію замысла, — отъ перваго консула. За это взялся Жоржъ Кадудаль. Но мысль объ убійствѣ была противна даже отчаянному вождю гверилласовъ. Придуманъ былъ другой странный планъ для приведенія въ исполненіе задуманнаго дѣла, поражающій ребяческою неопытностію

и простотою—нѣчто въ родѣ или дуэли, или правильной военной стычки между двумя враждующими сторонами. Карету перваго консула всегда сопровождалъ незначительный отрядъ гвардейской конницы. Кадудаль брался напасть на него по пути въ Сень-Клу или Мальмезонъ, съ равнымъ числомъ вооруженныхъ роялистовъ и въ присутствіи одного изъ Бурбонскихъ принцевъ. Убіиство не составляло необходимаго условія: желали только овладѣть первымъ консуломъ, если бы это удалось.

Несмотря на отсутствіе практическаго смысла въ этомъ замыслѣ, который, конечно, при бдительной полиціи Бонапарта, не угрожалъ ему опасностью и приведенъ въ исполненіе быть не могъ, заговорщики не могли не подумать о томъ, какими же способами, одѣлавшись отъ лица перваго консула, они восстановятъ престолъ Бурбоновъ во Франціи. Въ этомъ случаѣ они рассчитывали на содѣйствіе Пишегрю. Разорвавъ всѣ связи съ отечествомъ, забытый имъ, самъ Пишегрю, конечно, не могъ ничего предпринять. Но онъ былъ нѣкогда начальникомъ и другомъ Моро, котораго политическое положеніе такъ ярко выразилось въ это время, что не могло не обратить на себя вниманія. Удаленный отъ дѣлъ, преслѣдуемый ненавистью Бонапарта, но любимый войсками, чтимый Франціей за его военные подвиги и безукоризненно честный, онъ одинъ могъ дать дѣйствительное значеніе, нелѣпой затѣвѣ роялистовъ, если бъ принялъ ихъ сторону. Вѣроятно, генералу Пишегрю и принадлежала мысль войти въ сношеніе съ Моро. Ихъ личныя отношенія давали удобный къ тому поводъ. „Дорого стоило“ Моро, по его собственному признанію, выдать правительству республики переписку Пишегрю съ Бурбонами и роялистами, случайно попавшую въ его руки въ то время, когда его прежніе замыслы онъ не считалъ уже опасными для отечества. А между тѣмъ это обстоятельство отягчило участь Пишегрю. Его сотоварищи по ссылкѣ въ Гвинею были всѣ помилованы первымъ консуломъ—кромѣ его. Конечно, болѣе всѣхъ долженъ былъ бы заслужить помилованіе побѣдитель Голландіи, военачальникъ, оказавшій важныя заслуги отечеству; но онъ содѣйствовалъ восстановленію Бурбоновъ на тотъ престолъ, на который намѣревался какъ можно скорѣе сѣсть Бонапартъ. Могъ ли онъ дозволить ему возвратиться въ отечество? Конечно, Моро долженъ былъ отнестись иначе къ желанію возвратиться въ отечество на правахъ гражданина, его бывшаго начальника и друга и человѣка, оказавшаго заслуги отечеству и притомъ, когда всѣ потерявшіе власть съ нимъ уже были помилованы. При

сношеніяхъ, которыя Пишегрю, черезъ посредство трезвыхъ лицъ открылъ съ нимъ, Моро не замедлялъ объяснить въ письмѣ къ одному изъ нихъ, аббату Давиду, свои отношенія къ Пишегрю. Онъ не считалъ нужнымъ оправдываться передъ нимъ въ томъ, что доставилъ Директоріи бумаги, обличавшія его сношенія съ Бурбонами. „Если въ этомъ случаѣ“, писалъ онъ, „можетъ кто-либо обвинять меня, то скорѣе правительство; но никакъ не генераль Пишегрю. Миѣ было прискорбно увидать, что его образъ дѣйствій въ послѣднихъ войнахъ открылъ его тайныя намѣренія. Впрочемъ, положеніе Пишегрю возбуждаетъ соболѣзнованіе, и я готовъ съ удовольствіемъ быть ему полезнымъ. Если бы правительство ему заявило, что мои къ нему отношенія не дозволяютъ ему дать согласіе на возвратъ его въ отечество, то я готовъ немедленно устранить это препятствіе“. Аббатъ Давидъ былъ захваченъ полиціею, посаженъ въ тюрьму, письмо сдѣлалось извѣстнымъ первому консулу; но оно не только не приближало его къ той цѣли, къ которой онъ стремился, а скорѣе удаляло.

Между тѣмъ, лондонскіе роялисты рѣшили тайнымъ путемъ, извѣстнымъ только контрабандистамъ, отправить Кадудала съ нѣсколькими сообщниками въ Парижъ, чтобы развѣдать и приготовить почву для исполненія заговора какъ тамъ, такъ особенно въ Вандеѣ, гдѣ онъ пользовался особенною извѣстностью. Вслѣдъ за нимъ долженъ былъ тѣмъ же путемъ прибыть Пишегрю, чтобы войти въ окончательныя соглашенія съ Моро, а затѣмъ кто-либо изъ Бурбонскихъ принцевъ, чтобы придать преступному дѣйствию законный видъ. Въ чемъ же заключалось участіе Моро въ этомъ заговорѣ? „Можно смѣло утверждать“, говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ писателей, современный историкъ Наполеона, „что ни одна эпоха нашей исторіи не была предметомъ такихъ смѣлыхъ и полныхъ подлоговъ, какъ та, къ которой относится заговоръ Жоржа Кадудала, трагическая смерть Пишегрю и герцога Энгіенскаго и процессъ Моро. Никогда самые черные происки не облакались такимъ непроницаемымъ мракомъ. И это становится понятнымъ, потому что тутъ было замѣшано столько сильныхъ лицъ, которымъ нужно было придать иное значеніе своимъ намѣреніямъ и поступкамъ и изгладить слѣды ихъ настоящихъ дѣйствій. Если подумать о томъ, какъ имъ легко было уничтожить всѣ доказательства, которыя бы клонились къ ихъ обвиненію, о насильственномъ молчаніи на печать того времени, объ отсутствіи всякаго контроля и гласности и ужасѣ, охватившемъ общество,

то надо удивляться, что до насъ вообще еще дошли нѣкоторые источники. Всѣмъ извѣстно, что наши архивы нѣсколько разъ подвергались пересмотру главныхъ участниковъ въ этихъ дѣлахъ, что нѣкоторые документы были уничтожены, другіе замѣнены, такъ что мы можемъ судить о виновности или по тѣмъ только даннымъ, которыя они сами намъ оставили, или которыя ускользнули отъ ихъ предусмотрительности. Сверхъ того, часть этихъ документовъ намъ остается неизвѣстною, потому что ихъ скрываетъ правительство, считающее себя владыкою и хранителемъ исторической истины. Впрочемъ, едва-ли можно много жалѣть объ этомъ запретѣ, особенно относительно Бонапарта. Человѣкъ, который выбралъ изъ архивовъ всѣ бумаги, относившіяся до сраженія при Маренго, и вмѣсто нихъ положилъ фантастическій рассказъ, составленный нѣсколько лѣтъ спустя послѣ самого происшествія, конечно, не оставилъ бы доказательствъ противъ себя въ дѣлахъ безконечно менѣе для него славныхъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить ту ложь, художественно выработанную, чтобы обмануть потомство, тѣ вымыслы, которые нѣкоторымъ образомъ были освящены продолжительнымъ и общимъ признаніемъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто могутъ занять повѣствованія, состряпанныя на островѣ Св. Елены, подъ внушеніемъ самого Наполеона и записки герцога Савари, герцога Ровиго¹⁾. При такомъ положеніи источниковъ, конечно, писателю-иностранцу невозможно братья за самостоятельное ихъ изслѣдованіе и остается только указать на тѣ факты, справедливость которыхъ не могутъ отрицать и безусловные поклонники Наполеона.

Жоржъ Кадудаль въ концѣ августа 1803 г. съ немногими соучастниками пробрался въ Парижъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ему ничего не удалось приготовить для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. Послѣ столькихъ волненій Франція впала въ апатію. Даже Вандея оставалась спокойною. Незначительные беспорядки, произведенные подосланными имъ лицами, немедленно были усмирены и подстрекатели пойманы. Не теряя надежды исполнить свое предпріятіе открытаго нападенія на Бонапарта, онъ, однако же, попыталъ неудачу въ отношеніи къ Моро. Чрезъ посредниковъ онъ узналъ только то, что самъ Моро написалъ въ письмѣ къ аббату Давиду о своихъ отношеніяхъ къ Пишегрю, и ровно ничего о его дальнѣйшихъ политическихъ видахъ. Онъ обратился въ Лондонъ

¹⁾ Lanfrey, Hist. de Napoléon, т. III, стр. 83—84.

съ изъявленіемъ желанія болѣе дѣятельнаго содѣйствія со стороны Пишегрю въ этомъ случаѣ и, не найдя соучастниковъ въ своемъ предпріятіи въ Парижѣ, требовалъ присылки новыхъ изъ Англіи. Тѣмъ же тайнымъ путемъ къ нему прибыло нѣсколько новыхъ участниковъ, а Пишегрю прислалъ письмо къ Моро, которое передалъ ему прежній ихъ товарищъ по оружію, бывшій республиканскій генераль Лажоле. Это былъ человекъ неблагонадежный въ нравственномъ отношеніи и поставленный въ это время въ такую крайнюю нужду, что изъ-за средствъ къ существованію готовъ былъ на все, а вмѣстѣ съ тѣмъ умный и хитрый. Моро отнесся къ нему съ недоувѣріемъ и даже отказалъ ему въ денежной помощи для поѣздки въ Лондонъ. Но, рассчитывая на вознагражденіе со стороны роялистовъ, онъ пріѣхалъ туда въ концѣ 1803 г. и увѣрилъ ихъ въ полной готовности Моро содѣйствовать ихъ предпріятію. Въ январѣ 1804 года Пишегрю отправился въ Парижъ съ нѣсколькими изъ роялистовъ, лучшихъ дворянскихъ семействъ старой Франціи, а вслѣдъ за ними, по полученіи извѣстій изъ Парижа, должны были тѣмъ же тайнымъ путемъ отправиться гр. Д'Артуа и герцогъ Беррійскій. По пріѣздѣ въ Парижъ и послѣ свиданій съ Моро, Пишегрю совершенно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ, внушенныхъ разказами Лажоле, и вмѣстѣ съ Жоржемъ Кадудалемъ намѣревались уже отказаться отъ своихъ замысловъ.

Но въ то время, когда заговорщики намѣревались прекратить свои дѣйствія, съ особенною дѣятельностію принялась за слѣдствіе полиція перваго консула. Тюрьмы были наполнены дѣйствительными или мнимыми участниками въ заговорѣ; по нѣсколькимъ мѣсяцевъ они томились въ нихъ и никого изъ нихъ не подвергали допросу. Самъ Бонапартъ предписывалъ не спѣшить съ этимъ дѣломъ. Но въ февралѣ 1804 г. онъ предписалъ начать слѣдствіе и самъ назначилъ тѣхъ лицъ, которыхъ прежде другихъ слѣдовало подвергнуть допросамъ. Пытками и угрозой немедленнаго разстрѣлянія въ случаѣ заирательства, что и приводилось въ исполненіе, удалось выпытать у двухъ изъ нихъ показанія, которыя послужили главными основаніями для слѣдствія и суда. Изъ показаній одного узнали не только о прибытіи въ Парижъ главныхъ заговорщиковъ, что давно было извѣстно; но и тотъ тайный путь, которымъ они пробирались и вслѣдъ за ними должны были прибыть Бурбонскіе принцы. Другой ревностный приверженецъ Бурбоновъ, послѣ неудачной попытки лишить себя жизни,

выражалъ негодованіе на Моро, который не хотѣлъ помогать возстановленію старой династіи, но желалъ будто бы воспользоваться средствами роялистовъ съ тѣмъ, чтобы самому стать во главѣ республики на мѣсто Бонапарта. Вслѣдствіе этихъ показаній, Моро былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму; а Савари отправленъ на утесъ Бивилль, гдѣ должны были высадиться Бурбонскіе принцы, сторожить ихъ, схватить и привести въ Парижъ. Законодательному корпусу, Сенату и Трибуналамъ сдѣланы были торжественныя заявленія о грозномъ заговорѣ Моро (conspiration de Moreau), которому никто не вѣрилъ и называли его заговоромъ *противъ* Моро (conspiration contre Moreau). Савари тщетно сидѣлъ на Бивальскомъ утесѣ, поджидая добычу, давая знаки каждому проходившему кораблю, но условныхъ знаковъ онъ не зналъ, да и принцы, не получая извѣстій изъ Парижа, не рѣшались ѣхать, хотя съ этою, вѣроятно, цѣлю Жоржа и Моро долго оставляли на свободѣ, и только слѣдили за ними. Между тѣмъ Франція и вся Европа наполнялась слухами о грозномъ заговорѣ, о подготовлявшемся убійствѣ Бонапарта. Въ *Moniteur*'ѣ и другихъ газетахъ появлялись статьи противъ англійскаго правительства, противъ Бурбоновъ, подославшихъ убійцъ въ Парижъ. Жизнь перваго консула представлялась въ опасности въ то время, когда онъ писалъ къ своему представителю къ Цизальпинской республикѣ: „миѣ не угрожала никакая дѣйствительная опасность, потому что полиція строго слѣдила за всѣми дѣйствіями заговорщиковъ“ ¹⁾. Послѣ тщетныхъ ожиданій Савари приходилось отказаться отъ захвата Бурбонскихъ принцевъ, которыхъ можно было обвинить въ участіи въ заговорѣ; а между тѣмъ, хватаясь уже за корону, которую они считали своею, первый консулъ готовилъ имъ такую участь, какая отучила бы ихъ, по его мнѣнію, отъ притязаній на возстановленіе своей власти надъ Франціею. Раздражаемый неудачею, увлекаясь страстью, онъ не отказался отъ своей мысли, онъ захватилъ совершенно невиннаго принца этого дома, незнавшаго даже о заговорѣ, молодого принца Энгіенскаго, и разстрѣлялъ его. Это происшествіе поразило ужасомъ всю Европу; но торжественно выразить свое негодованіе рѣшился только Русскій кабинетъ. Вслѣдъ за тѣмъ была торжественно объявлена имперія во Франціи въ лицѣ Наполеона съ правомъ наслѣдства въ его семействѣ.

¹⁾ Письмо 6-го марта 1804 г.

За празднествами и устройствомъ новаго двора не забыли о процессѣ Моро; Жоржъ и Пишегрю давно были схвачены и сидѣли въ тюрьмѣ съ большою частью своихъ соучастниковъ. Еще до провозглашенія имперіи Бонапартъ распространялъ слухи, что вовсе не желаетъ подвергать наказанію Моро, но, получивъ отъ него откровенныя свѣдѣнія объ заговорѣ, намѣревается простить. Съ такимъ заявленіемъ являлся къ Моро начальникъ полиціи, предлагая ему свиданіе съ Бонапартомъ. Конечно, Моро не могъ согласиться на то, чтобы признать себя виновнымъ, тогда какъ онъ не только не принималъ участія въ заговорѣ, но всякій вообще подобный заговоръ считалъ преступнымъ и невозможнымъ въ это время. Но подъ вліяніемъ ли этихъ слуховъ, или уступая просьбамъ родныхъ и друзей, онъ рѣшился, послѣ цѣлаго мѣсяца заключенія въ тюрьмѣ, написать письмо къ Бонапарту, въ которомъ съ достоинствомъ отклонилъ отъ себя всякое участіе въ заговорѣ и особенно мысль вырвать власть изъ его рукъ и самому стать во главѣ правительства. Намекая на предложеніе Сіеса, онъ писалъ: „считаю нужнымъ напомнить Вамъ, что если бы хотя на одно мгновеніе у меня была мысль принять участіе въ управленіи Франціею, то для этого представлялся самый удобный случай за нѣсколько времени до Вашего возвращенія изъ Египта и, конечно, Вы не забыли того безкорыстія, съ которымъ я помогалъ Вамъ 18-го брюмера“¹⁾. Таковы были постоянно показанія Моро при слѣдствіи; но не того, конечно, желалъ Бонапартъ. вмѣсто отвѣта, онъ велѣлъ сказать ему, что приказалъ присоединить къ дѣлу его письмо. Жоржъ и Пишегрю подтверждали показанія Моро, что онъ отклонялъ себя отъ всякаго участія въ заговорѣ. Первый отклонилъ отъ себя обвиненіе въ желаніи убить перваго консула; второй упорно не давалъ показаній, говоря однако же, *что представитъ ихъ суду*. Это послѣднее заявленіе, вѣроятно, имѣло вліяніе на несчастную смерть Пишегрю и во всякомъ случаѣ возбуждало подозрѣніе. Апрѣля 6-го н. ст. въ *Moniteur* появилось извѣщеніе, что Пишегрю самъ себя удавилъ галстухомъ въ тюрьмѣ, но съ такими невѣроятными и баснословными подробностями, что возбудило полную увѣренность въ томъ, что онъ умеръ насильственной смертью. Кто же убійца? *) Предоставимъ

¹⁾ Письмо Моро къ первому консулу.

²⁾ Нельзя не отдать должной справедливости критическому дарованію Г. Ланфре. Несмотря на огромныя затрудненія для ученаго изслѣдованія этихъ происшествій, онъ почти дошелъ до исторической истины.

отыскивать его, роясь въ поддѣльныхъ болѣею частію документахъ, поклонникамъ великаго Наполеона, и обратимся къ процессу Моро, начавшемуся 28 мая 1804 г. н. ст.

Главный поводъ къ привлеченію къ уголовному слѣдствію и суду перваго и знаменитаго генерала республики подали его отношенія къ Пишегрю. Смерть устранила этого подсудимаго отъ суда; но осталось его показаніе, что Моро нисколько не сочувствовалъ замысламъ роялистовъ. Нѣкоторые изъ второстепенныхъ подсудимыхъ взяли назадъ свои показанія, говоря, что они были исторгнуты у нихъ пыткой или подкупомъ. Всѣ другіе устранялись сами собою, какъ бездоказательныя. Оставались только въ силѣ два обвиненія. Свиданіе съ ~~измѣнникомъ~~, какъ называлъ Пишегрю предсѣдатель суда, и то, что Моро въ домашнихъ бесѣдахъ позволялъ себѣ свободно разсуждать о дѣйствіяхъ правительства, т.-е. перваго консула. „Со времени революціи“, отвѣчалъ Моро на отзывъ предсѣдателя о Пишегрю. „было много измѣнниковъ. Называли нѣкоторыхъ лицъ измѣнниками въ 1799 г., которые не считались измѣнниками въ 1793 г. Другіе были въ 93-мъ и не были въ 95-мъ. Нѣкоторые считались измѣнниками въ 95, не считались такими впоследствии. Много было республиканцевъ изъ тѣхъ, которые теперь не республиканцы. Генералъ Пишегрю могъ имѣть сношенія съ Конде во IV году республики и дѣйствительно имѣлъ. Но онъ подвергся ссылкѣ вмѣстѣ съ другими въ переворотъ Фруктидора (4 сент. 1797 г.). Къ нему слѣдовало относиться такъ же, какъ и къ другимъ, осужденнымъ вмѣстѣ съ нимъ... Но когда я видалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ числѣ высшихъ сановниковъ государства, когда армія Конде наполняла парижскіе салоны и даже у перваго консула, очень мнѣ было возможно принять участіе въ томъ, чтобы возвратить Франціи завоевателя Голландіи“. Когда допросы были окончены, Моро сказалъ рѣчь, исполненную честности и достоинства, въ которой изложилъ свои дѣйствія во все продолженіе своей службы отечеству. „Со времени побѣды при Гогенлиденѣ и до моего ареста“, говорилъ онъ, „мой враги не могли найти ничего преступнаго въ моемъ образѣ дѣйствій, кромѣ того, что я свободно говорилъ... Свобода рѣчей! Но онѣ часто были благопріятны

Но это дѣло мѣстныхъ писателей; имъ предстоитъ трудъ бороться для пользы науки съ мѣстными препятствіями. Полагаемъ, что иностраннаго писателя никто не обвинитъ, если онъ отклонитъ отъ себя эту заботу и воспользуется только тѣми изъ добытыхъ ими выводовъ, которые со своей стороны считаетъ окончательно доказанными.

дѣйствіямъ правительства, а если иногда и были противъ нѣкоторыхъ, могъ ли я предполагать, что такая свобода можетъ считаться преступленіемъ у того народа, который столько разъ узаконялъ свободу мысли, слова и печати и который въ нѣкоторой степени пользовался ею даже при короляхъ? Признаюсь, я рожденъ съ откровеннымъ характеромъ и, какъ французъ, не утратилъ этого свойства Франціи, которая всегда провозглашала его добродѣтелью человѣка и долгомъ гражданина, ни на полѣ брани, ни во время революціи. Но тѣ, которые составляютъ заговоры, порицаютъ ли громко дѣйствія, которыхъ не одобряютъ? Такая откровенность вовсе несогласна съ политическими тайною и искушеніями. Если бы я участвовалъ въ заговорѣ, то скрывалъ бы свои мнѣнія и искалъ бы должности, которая поставила бы меня въ соприкосновеніе съ народными силами. Чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, не нужно особенныхъ политическихъ способностей, которыхъ я и не имѣю, достаточно всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ, увѣнчавшихся успѣхомъ. Я очень хорошо знаю, что Монкъ не оставлялъ арміи, когда замышлялъ государственный переворотъ. Кассій и Брутъ не удалялись отъ Цезаря, котораго хотѣли поразить“.

Рѣчь Моро была встрѣчена рукоплесканіями многочисленнаго общества, слушавшаго допросы. Онъ и въ судѣ одержалъ такую же побѣду, какія одерживалъ на поляхъ сраженій. Но одержалъ еще бѣльшую побѣду надъ самимъ собой и доказалъ силу характера, въ которой отказываютъ ему многіе изъ писателей, его соотечественниковъ. Несмотря на все негодованіе, которое должно было кипѣть въ его душѣ противъ Наполеона, онъ только однажды упомянулъ о немъ. Когда въ числѣ прочихъ документовъ было прочтено его конфиденціальное письмо къ первому консулу, онъ сказалъ: первый консулъ, конечно, полагалъ, что это письмо послужитъ средствомъ для моего оправданія. Онъ *слишкомъ великодушенъ* и сохранилъ бы его у себя, если бы оно могло пособить моему обвиненію.

То же впечатлѣніе, какъ и на всѣхъ присутствовавшихъ, допросъ Моро произвелъ и на судей, несмотря на то, что по случаю этого дѣла присяжные были временно уничтожены въ Сенскомъ департаментѣ, и составъ суда дополненъ лицами, указанными правительствомъ. „Судьи“, обратился къ нимъ въ заключеніе рѣчи Моро. „Я ничего не имѣю болѣе сказать вамъ. Таковъ мой характеръ, такова была вся моя жизнь. Передъ небомъ и людьми заявлю, что мое поведеніе было невинно и

честно. Вы знаете ваши обязанности, слухъ фракціи направленъ на васъ, Европа наблюдаетъ и васъ ожидаетъ потомство“¹⁾. Судьи большинствомъ голосовъ постановили оправдательный приговоръ; но предсѣдатель съ меньшинствомъ возбудили продолжительныя пренія. Они увѣряли своихъ товарищей, что такой приговоръ будетъ въ ущербъ государственности, лично оскорбитъ Бонапарта и лишитъ его возможности помиловать Моро, чего онъ только и желаетъ. Новый императоръ, узнавъ о ходѣ дѣла, велѣлъ взять новыя показанія съ нѣкоторыхъ подсудимыхъ и представить ихъ судьямъ, которые съ того времени должны были не постановлять окончательнаго рѣшенія. Но и это не помогло. Уступая давленію власти, судьи рѣшились приговорить Моро къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, а Жоржа съ 19 другими къ смертной казни. „Если я виновенъ въ заговорѣ“, сказалъ Моро, узнавъ о приговорѣ суда, „то слѣдовало приговорить меня къ смертной казни, какъ начальника заговора, потому что никто не можетъ повѣрить, чтобы я былъ капраломъ между заговорщиками“. Бонапартъ былъ взбѣшенъ; но не рѣшился на крайнія мѣры. Черезъ Фуке онъ предложилъ супругѣ Моро замѣну двухлѣтняго заключенія изгнаніемъ изъ Франціи. Она безъ колебанія согласилась, опасаясь, чтобы и ея мужа не постигла въ тюрьмѣ судьба Пишегрю. Моро долженъ былъ немедленно отправиться въ Сѣверную Америку, черезъ Испанію, которой правительство Наполеонъ вынуждалъ какъ можно скорѣе выпроводить его изъ своей страны.

VI.

Убійство герцога Энгіенскаго имѣло рѣшительное вліяніе на политику нашего кабинета въ отношеніи къ Франціи, выразивъ дѣйствительныя качества ея новаго повелителя, которыя, конечно, не могли внушать довѣрія. Послѣ блестящаго, но совершенно бесполезнаго похода Суворова въ Италію, Императоръ Павелъ, справедливо негодуя на своихъ коварныхъ союзниковъ, вдругъ измѣнилъ политику и готовъ былъ вступить въ рѣшительный союзъ съ первымъ консуломъ, который представлялся ему укротителемъ революціи, возстановившимъ порядокъ въ глубоко взволнованной Франціи. По вступленіи на престолъ императора Александра Павловича наша политика приняла иное направленіе. Поддерживая дружелюбныя отноше-

¹⁾ Документы, относящіеся до процесса Моро у Бошана, Vie de Moreau, прилож., стр. 273—408.

нія къ Франціи, она въ то же время желала сократить ихъ и въ отношеніи къ другимъ державамъ, ей враждебнымъ, не принимая дѣятельнаго участія въ ихъ распряхъ и войнахъ. Но оставаясь европейскою державою, Россіи было трудно сохранить уединенное положеніе и отрѣшиться отъ всякаго участія въ судьбахъ Европы, которой угрожала опасность со стороны завоевательныхъ дѣйствій новаго властелина Франціи. Послѣдствіемъ убійства герцога Энгіенскаго былъ разрывъ съ Франціею и—возможность войны съ нею. Въ виду этой опасности, русскій императоръ желалъ воспользоваться военными дарованіями генерала Моро. Хорошо знакомый съ военными взглядами, приемами и дѣйствіями Наполеона, выставлемый многими какъ достойный его соперникъ, жестоко имъ оскорбленный и униженный, Моро дѣйствительно могъ быть полезенъ въ войнѣ противъ него и, казалось, долженъ былъ рѣшиться принять предложеніе русскаго императора не съ тою только цѣлью, чтобы отмстить своему личному врагу, но и освободить отъ тиранніи свое отечество и Европу.

Получивъ извѣстіе объ изгнаніи Моро изъ предѣловъ Франціи и о его переѣздѣ въ Сѣверную Америку чрезъ Испанію, Императоръ Александръ Павловичъ поручилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ написать къ нашему посланнику въ Мадридъ, чтобы онъ тайно развѣдалъ образъ мыслей Моро и предложилъ ему или безопасное убѣжище въ Россіи для мѣстопробыванія или вступленіе въ русскую службу. „Мы извѣстались“, писалъ кн. Чарторижскій къ графу А. С. Строганову, „что генераль Моро, отдавая справедливость образу дѣйствій нашего Августѣйшаго Государа, въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится въ настоящее время Европа, нѣсколько разъ выражалъ мысль, что, если бы когда-нибудь онъ рѣшился поступить на службу иностранной державы, то вступилъ бы единственно въ службу Россіи. Приобрѣтеніе человѣка съ такими достоинствами и пользующагося такою извѣстностью, какъ генераль Моро, было бы въ высшей степени важно при современномъ положеніи дѣлъ, особенно по тому значенію, которое онъ сохранилъ въ Франціи и потому Его Величество поручаетъ вамъ тщательно развѣдать объ образѣ мыслей, который онъ уже выражалъ, и, если вы убѣдитесь въ справедливости тѣхъ извѣстій, которыя мы получили, то постараться привлечь его на сторону общей пользы“. Не входя лично въ сношенія съ ген. Моро, чтобы не возбудить подозрѣній французскаго правительства и не поставить въ затруднительное

положеніе Мардидскій кабинетъ, гр. Строганову Императоръ предписывалъ употребить въ этомъ случаѣ особаго тайнаго агента. „Желательно, конечно, пригласить его вступить въ русскую службу“, писалъ къ нему кн. Чарторижскій, обѣщая всѣ возможныя выгоды, но, можетъ быть, такое предложеніе окажется несогласнымъ съ его образомъ мыслей въ то время, когда можно ожидать начала военныхъ дѣйствій противъ Франціи; то во всякомъ случаѣ предложите ему почетное убѣжище въ имперіи нашего Государя, гдѣ онъ будетъ находиться въ совершенной безопасности отъ преслѣдованій своихъ враговъ. Вы объясните ему, что мы желаемъ воспользоваться его дарованіями и опытностію, чтобы по возможности скорѣе окончить войну. Если она начнется, то нашъ Государь предприметъ ее съ цѣлію обуздать безграничное самолюбіе Бонапарта, котораго деспотизмъ не совмѣстимъ съ общою безопасностью Европы и даже благосостояніемъ самой Франціи. Императоръ принимаетъ во вниманіе необходимость строго различать французскій народъ отъ счастливаго (*eventurier*) проходимца, который поработилъ ее своему игу, и что ничего не имѣется противъ Франціи, а напротивъ того, дѣло идетъ о томъ, чтобы освободить ее отъ ига, подъ которымъ она страдаетъ, такъ что послѣдствія этой войны обратятся въ пользу большинства французовъ, которыхъ выгоды въ этомъ случаѣ одинаковы съ выгодами союзныхъ державъ. Сверхъ того, вы можете увѣрить генерала, что Императоръ твердо рѣшился заставить уважать права и собственность каждаго и особенно тѣхъ, которые приобрѣли *національнныя имущества* (*des biens nationaux*) и, наконецъ, присоветуйте, что Его Величество ни мало не имѣетъ въ виду желанія народа въ отношеніи къ внутреннему управленію страны и готовъ напротивъ утвердить тотъ образъ устройства, который свободно и добровольно установятъ французы, не имѣя пристрастія ни къ какому дому, какъ, напри- мѣръ, Бурбоны. Въ отношеніи къ этому послѣднему вопросу не было бы лишнимъ провѣдать образъ мыслей ген. Моро, какъ относится онъ къ правамъ королевскаго дома и къ возможности соединить всѣ партіи въ томъ случаѣ, если бъ пришлось посадить на тронъ Бурбона, конечно, на извѣстныхъ условіяхъ и съ ограниченіями власти, какихъ требуютъ обстоятельства и особенно господствующее общественное мнѣніе во Франціи“. Объ этомъ вопросѣ Императоръ предписывалъ говорить съ ген. Моро съ крайнею осторожностію (*avec la plus grande reserve*), конечно, потому, что силою обстоятельствъ, онъ самъ былъ

поставленъ къ нему въ ложное положеніе, а между тѣмъ вопросъ былъ очень важенъ: онъ путалъ и тормозилъ историческія событія. Императоръ смотрѣлъ иначе, нежели его союзники, на права Бурбоновъ и, уступая ихъ взгляду, согласился бы на восстановление ихъ на престолѣ Франціи лишь въ томъ случаѣ, когда сами французы выразили бы это желаніе.

Если бы ген. Моро изъявилъ полное согласіе на принятіе предложеній русскаго Императора, то гр. Строганову дозволялось даже объяснить ему ¹⁾ предполагаемой коалиціею образъ дѣйствій, цѣль и средства, которыми она можетъ располагать. „Вы представите ему“, писалъ кн. Чарторижскій, „новую славу, которая увѣнчаетъ его дѣйствія, и признательность отечества, которую онъ заслужитъ, содѣйствуя общимъ усиліямъ, которыя клонятся къ тому, чтобы освободить Францію отъ тираниіи, ее угнетающей.—Я не считаю нужнымъ, писалъ онъ въ заключеніе своей депеши, указывать вамъ, съ какою осторожностію и осмотрительности должно вести эти переговоры. Вы сами поймете ихъ необходимость и всю важность услуги, каковую вы окажете Императору и общему благу, если успѣхъ увѣнчаетъ ваши старанія“. Но лишь только эта депеша была изготовлена къ подписанію Императора, какъ получено было извѣстіе, что Моро уже прибылъ въ Сѣверную Америку. Это обстоятельство на два дня замедлило отправленіе депеши къ гр. Строганову; но она все-таки была отправлена, несмотря на то, что Моро уже не находился въ Испаніи. Императоръ придавалъ важное значеніе этому дѣлу и поручилъ кн. Чарторижскому въ дополненіе къ этой депешѣ написать посланнику, чтобы тотъ постарался найти надежный и безопасный способъ передать Моро его предложенія. Ему поручалось или отправить довѣренное лицо въ Америку для передачи ихъ на словахъ, избѣгая письменныхъ сообщеній самому Моро, или, если бы имъ былъ оставленъ въ Испаніи облеченный его довѣріемъ человекъ для устройства его частныхъ дѣлъ, то воспользоваться его посредствомъ. Но, давая такое порученіе гр. Строганову, наше правительство предвидѣло не только трудность, но даже невозможность его исполнить, если бы случайно не представились такія благопріятныя обстоятельства, на которыя невозможно было рассчитывать напередъ. „Поэтому“, писалъ кн. Чарторижскій, „я считаю долгомъ предупредить васъ, что только при такихъ обстоятельствахъ вы исполните возлагаемое

¹⁾ Ср. Местръ Correspondance polit. Т. I. стр. 95.

на васъ порученіе; но на васъ не возлагается обязанности непремѣнно исполнить его, если бы встрѣтились непреодолимыя препятствія“.

Не рассчитывая на успѣшное исполненіе этого порученія со стороны нашего посланника въ Испаніи, Императоръ избралъ новый способъ войти въ непосредственныя сношенія съ самимъ ген. Моро. Въ Петербургѣ, безъ особаго назначенія, находился камергеръ гр. Паленъ, который былъ лично знакомъ съ Моро и его семействомъ. Императоръ поручилъ ему переговоры съ Моро, отправивъ его въ Сѣверную Америку. „Слѣшу препроводить вамъ, писалъ ему по порученію Государя кн. Адамъ Чарторижскій, наставленія для исполненія того порученія, которое угодно было Государю Императору возложить на васъ. Вы замѣтите, что въ нихъ не упомянуто имени ген. Моро, чтобы не подвергнуть ни его, ни васъ какимъ-либо случайнымъ непріятностямъ. Вы обратите вниманіе генерала на это обстоятельство. Съ этою же цѣлію поручается вамъ, изучивъ это письмо, возвратить его мнѣ“. Въ этомъ письмѣ ему предписывалось немедленно, въ качествѣ простого путешественника, ѣхать въ Лондонъ, разузнать, гдѣ въ настоящее время находится Моро, и представиться нашему посланнику въ Лондонѣ, гр. С. Р. Воронцову. Въ депешѣ, которую поручено было отвезти ему нашему посланнику, объяснялось порученіе, возложенное на гр. Палена, и поручалось способствовать ему въ исполненіи. „Если гр. Воронцовъ“, писалъ кн. Чарторижскій гр. Палену, подтвердить извѣстіе, что Моро отправился въ Соединенные Сѣверо-Американскіе штаты, то вы воспользуетесь первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отправиться въ Америку, но также подъ видомъ путешественника; тамъ возобновите знакомство съ Моро и его семействомъ и постараетесь развѣдать его взглядъ на происшествія, совершающіяся на континентѣ, и объ способѣ дѣйствій, въ какомъ онъ рѣшился бы принять непосредственное участіе. Если вы замѣтите, что онъ выжидаетъ только удобныхъ обстоятельствъ отмстить за тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергся, и въ то же время возвратитъ свободу, которой лишено его отечество, тогда вы сообщите ему возложенное на васъ порученіе и объясните, сколь возвышенна та цѣль, къ которой направлены виды Императора, и благопріятна для Франціи. Вы представите ген. Моро, какое можетъ предстоять блестящее поприще дѣйствій для такого человѣка, какъ онъ, пользуясь довѣріемъ народа, сдѣлаться ею освободителемъ и

постараетесь согласиться съ нимъ въ способахъ дѣйствія, чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли. Гр. Палену поручалось особенно обратить вниманіе Моро на то обстоятельство, что успѣхъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы разныя партіи во Франціи рѣшились дѣйствовать заодно. „Напримѣръ“, продолжаетъ кн. Чарторижскій, „республиканцы съ роялистами, потому что, безъ сомнѣнія, послѣдствіемъ ихъ совокупныхъ дѣйствій могло бытъ установленіе монархіи. Франція много бы выиграла, если бы установили ограниченную монархію, вмѣсто тиранніи, подъ гнетомъ которой она находится. Но вы ни въ какомъ случаѣ не должны настаивать на томъ, чтобы ген. Моро дѣйствовалъ заодно съ Бурбонами, особенно если замѣтите въ немъ несочувствіе къ нимъ и, напротивъ, увѣрить его, что мы съ довѣріемъ отнесемъ ко всякому предложенію съ его стороны. Наконецъ, если вы замѣтите, что генераль Моро готовъ помогать Россіи для достиженія ея цѣлей, то вы откроетесь ему совершенно и объявите, что Императоръ, высоко цѣня его дарованія, его любовь къ отечеству и честность, былъ бы весьма доволенъ, если бы онъ поступилъ къ нему на службу или бы принялъ участіе въ освобожденіи Франціи, какими бы то ни было способами, которые онъ сочтетъ наиболѣе сообразными съ цѣлью“. Въ такомъ случаѣ, гр. Паленъ долженъ былъ объявить ему, что онъ будетъ принять въ русскую службу въ званіи главнокомандующаго, самъ изберетъ для себя поприще дѣйствій, будетъ пользоваться жалованьемъ и правами, соединенными съ этимъ званіемъ, какъ во время войны, такъ и во время мира. Если бы онъ не пожелалъ вступить въ русскую службу и другими способами изъявилъ бы готовность содѣйствовать видамъ Россіи, то графу Палену поручалось объявить, что Императоръ будетъ способствовать успѣху его дѣйствій. Во всякомъ случаѣ Императоръ, уважая его достоинства, открываетъ ему безопасное убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, при всякихъ обстоятельствахъ. „Если генераль Моро приметъ ваше предложеніе“, писалъ кн. Чарторижскій гр. Палену, „то вы прибудете съ нимъ въ Европу. Отъ какого-либо изъ нашихъ посланниковъ, въ Испаніи, Италіи, Англіи или Германіи узнаете о положеніи нашихъ армій и повезете его къ той изъ нихъ, къ которой удобнѣе можетъ приблизиться. Между тѣмъ наши генералы получаютъ наставленія, какъ они должны къ нему относиться; но прежде всего вы попросите ген. Моро изложить свои соображенія на письмѣ“.

Гр. Воронцовъ, кажется, не очень сочувственно отнесся къ

предложенію пригласить Моро, какъ вообще онъ не сочувствовалъ наплыву иностранцевъ въ это время въ нашу службу и особенно дипломатическую. Въ октябрѣ мѣсяцѣ гр. Паленъ отправился изъ Петербурга и въ ноябрѣ увѣдомилъ, что гр. Воронцовъ задержалъ его въ Лондонѣ по двумъ причинамъ: онъ считалъ нужнымъ выждать во-первыхъ послѣдствій переговоровъ въ Англии—и, во-вторыхъ, потому, что переѣздъ въ Америку затруднителенъ въ это время года и гораздо удобнѣе отправиться туда въ декабрѣ мѣсяцѣ. Но въ отвѣтномъ письмѣ на депешу кн. Чарторижскаго къ этимъ причинамъ онъ присоединялъ и третью. „Я полагаю также“, писалъ онъ ему, „что пока Бонапартъ будетъ сохранять такое преобладаніе надъ своими союзниками, человекъ съ такимъ нерѣшительнымъ характеромъ, какъ Моро, не приметъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ, и порученіе гр. Палена тогда только можетъ быть исполнено успѣшно, когда Моро убѣдится, что ходъ дѣла обратился противъ Бонапарта.

Лонд. 17 (29) ноября 1805. Предсказаніе опытнаго нашего дипломата сбылось, хотя и по другимъ причинамъ.

Въ то самое время, когда происходила эта переписка, шла 200 тысячная армія Наполеона отъ Булоня къ Рейну. Онъ зналъ о приготовленіи союзниковъ къ военнымъ дѣйствіямъ, вызваннымъ его постоянными захватами, и въ то время, когда его дипломаты твердили о желаніи поддержать миръ, онъ спѣшилъ, поддерживая оборонительное положеніе въ Италіи, напасть врасплохъ на австрійскія войска, сосредоточенныя близъ Ульма въ числѣ 60 тысячъ подъ начальствомъ ген. Монка, прославившагося своими неудачами, которыя впрочемъ онъ претерпѣвалъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, одобряемымъ Вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ, прежде нежели успѣютъ подойти къ нимъ на помощь русскія войска подъ предводительствомъ Кутузова. Его хитрый замыселъ удался вполнѣ: непродолжительная кампанія началась пораженіемъ Монка, взятіемъ Ульма, занятіемъ Вѣны и окончилась Аустерлицкимъ сраженіемъ,— прежде нежели гр. Паленъ успѣлъ отплыть изъ Англии въ Америку. Въ ожиданіи новыхъ постановленій отъ правительства, ему предписано было оставаться въ Лондонѣ. Въ концѣ 1806 года гр. Строгановъ писалъ изъ Мадрита министру иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу, что онъ не могъ исполнить порученій въ отношеніи къ Моро, какъ и слѣдовало ожидать и какъ того ожидало наше правительство; но счелъ нужнымъ увѣдомить его о томъ, что случайно онъ узналъ при перего-

ворахъ съ первымъ министромъ Испаніи, „Князь Моро Годай“, писалъ онъ, „выразилъ мнѣ въ послѣднихъ моихъ съ нимъ совѣщаніяхъ удивленіе, что союзныя державы не подумали пригласить Моро начальствовать одною изъ арміи въ войнѣ противъ Франціи, выразилъ мнѣ подъ величайшею тайною свои виды на этого генерала, когда Испаніи придется принять участіе въ войнѣ. Онъ говорилъ нашему посланнику, что ведетъ постоянную переписку съ генераломъ и еще недавно получилъ отъ него письмо, въ которомъ тотъ выражаетъ желаніе предложить свои услуги какой-нибудь изъ могущественныхъ державъ, которая могла бы его защитить отъ преслѣдованій Бонапарта“. „Конечно, онъ думалъ въ этомъ случаѣ не объ Испаніи“, писалъ гр. Строгановъ, „и, сожалѣлъ, что не имѣетъ средствъ передать Моро намѣреніе Императора, совѣтуетъ поручить это дѣло нашему посольству въ Лондонѣ и дѣйствовать черезъ Англію, которая находилась въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ съ Американскими штатами.“

Снова возникло желаніе вызвать Моро изъ Америки. Баронъ Будбергъ писалъ въ началѣ 1807 года нашему повѣренному въ дѣлахъ при Сень-Джемскомъ кабинетѣ, что „обстоятельства настоящаго времени даютъ поводъ предполагать, что генераль Моро могъ бы принести пользу общему дѣлу и, можетъ быть, былъ бы радъ найти случай быть полезнымъ своему отечеству и въ то же время отмстить за всѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергался“. Поэтому ему предписывалось немедленно отправить гр. Палена въ Америку, снабдивъ свѣдѣніями о положеніи дѣлъ въ Европѣ и особенно о внутреннемъ состояніи Франціи. Гр. Паленъ прибылъ въ Нью-Йоркъ въ началѣ іюня 1807 г. 21 (9); немедленно повидался съ Моро, сообщилъ ему предложеніе нашего Государя и сообщилъ копію съ его письменнаго отвѣта нашему уполномоченному въ Лондонѣ¹⁾. „Я не колебался бы принять великодушныя предложенія Е. В. русскаго Императора“, писалъ Моро, „если бы они дошли до меня прежде, нежели онъ былъ вынужденъ начать войну съ французскимъ правительствомъ. Мнѣ кажется несогласнымъ ни съ достоинствомъ его короны, ни съ моею совѣстливостью (sa délicatesse) вступить въ службу въ его армію во время продол-

¹⁾ Дешши Алопеуса изъ Лондона 30 іюля (11 авг.) и 27 окт. (8 ноябр.) 1807 г. Оригиналъ отвѣта, писанный самимъ Моро, онъ возвратилъ ему, опасаясь имѣть при себѣ бумагу, писанную его рукою, чтобы его не подвергнуть опасности.

жающей войны... Правительству, во власти котораго находится вся печать, будетъ легко представить этотъ поступокъ, какъ желаніе мстить своимъ соотечественникамъ съ моей стороны, а со стороны русскаго Государя какъ уступку необходимости, мало почетной (*peu honorable*) для него и его войскъ. Предполагая даже, что я могъ бы немедленно принять предлагаемую мнѣ службу, равстояніе, въ которомъ я нахожусь отъ дѣйствующихъ войскъ, сдѣлало бы ее бесполезной при этой войнѣ, которая, вѣроятно, скоро окончится. Какія бы войска ни восторжествовали, миръ будетъ необходимымъ послѣдствіемъ военныхъ дѣйствій. Если они будутъ благопріятны для русскихъ, то, вѣроятно, глава французскаго правительства упадетъ во мнѣніи, вслѣдствіе недовольства войскъ и внутри страны. Вѣроятно также, что это обстоятельство могло бы способствовать тому, что французы узнали бы умѣренныя и разумныя намѣренія Его Величества Императора въ отношеніи къ намъ. Но не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ затрудненій, чтобы что-нибудь могло проникнуть въ эту несчастную страну. Съ одной стороны представляется подозрительной дѣятельность полиціи, съ другой ужасъ (*terreur*), дошедшій до такой степени, что три человѣка, сойдясь вмѣстѣ, не могутъ откровенно говорить между собою, подозрѣвая измѣнника между ними. Я давно оставилъ Францію; откровенная же переписка съ этою странюю до такой степени затруднительна, чтобы не сказать невозможна, что я не могу сказать, какъ могутъ дѣйствовать французы противъ многочисленной шайки разбойниковъ (*du scelerats*), которая ихъ угнетаетъ. Возвратившись въ Европу, я не могъ бы получить болѣе вѣрныхъ свѣдѣній: власть Бонапарта простирается на столько государствъ, что я оказался бы почти такъ же отдаленъ отъ Франціи, а между тѣмъ надзоръ надъ моими друзьями сдѣлался бы еще строже. Такимъ образомъ, находясь подъ вліяніемъ его власти, я долженъ быть озабоченъ только тѣмъ, чтобы скрываться, и ему было не трудно лишить меня той извѣстности (*popularité*), которую я сохранилъ еще во Франціи, и тѣмъ обречь меня на совершенную бесполезность. Однако же я считаю необходимымъ, чтобы въ этой несчастной странѣ сдѣлались извѣстны мудрыя предположенія Е. В. русскаго Императора, что завоеванія и раздѣлъ Франціи вовсе не входятъ въ его виды, и что когда тиранъ, который управляетъ ею, перестанетъ тревожить ее и всю Европу, онъ намѣренъ предоставить ей свободу устроить у себя правительство. Какія бы ни были послѣдствія современнаго переворота въ Европѣ, съ того

времени, какъ мое отечество находится подъ игомъ, которому я не хочу подчиниться, ни служить ему, я увѣряю Е. В. Императора, если будетъ угодна ему моя служба, онъ можетъ рассчитывать на совершенную мою преданность. Но, безъ сомнѣнія, онъ обратитъ вниманіе на причины, которыя вынуждаютъ меня предложить ему услуги въ то время, когда онѣ не могли бы подать повода заподозрить мою честность и достоинство его Короны¹⁾.

За четыре дня передъ тѣмъ, когда Моро написалъ эту записку, были подписаны условія мира и союзъ между Россією и Францією въ Тильзитѣ. При тогдашнихъ медленныхъ сообщеніяхъ, вѣсть объ этомъ происшествіи не могла еще достигнуть Америки; но, очевидно, Моро, слѣдя постоянно за ходомъ военныхъ дѣлъ, вѣрно понималъ ихъ значеніе, предвидѣлъ скорый исходъ войны и считалъ свое появленіе на континентѣ несвоевременнымъ. Тильзитскій миръ совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ, и мысль Императора пригласить Моро въ нашу службу надолго должна была остаться безъ исполненія.

VII.

Гонимый ненавистью Наполеона, Моро долженъ былъ одинъ отправиться въ Америку, оставивъ свое семейство для распоряженій по имуществу. Однако онъ странствовалъ по штатамъ Сѣверной Америки, пока не прибыла его супруга и дѣти. Приобрѣтя землю у Морисвиля, между Нью-Йоркомъ и Филадельфією, занимаясь хозяйствомъ, онъ проводилъ тамъ лѣто, а на зиму переѣзжалъ въ Нью-Йоркъ. Его ровный и веселый нравъ, умныя рѣчи скоро привлекли къ нему многихъ.

Но ни новые знакомые на чужой сторонѣ и нѣкоторые изъ друзей, добровольно послѣдовавшіе за нимъ въ изгнаніе, ни хозяйственныя заботы, охота и чтеніе не могли, конечно, замѣнить ему боевую дѣятельность, которой была посвящена вся его жизнь. Вниманіе американцевъ помогло заставить его забыть родину, которой онъ былъ преданъ всѣми силами души и которой судьба его ужасала. Онъ не любилъ говорить о своемъ противникѣ, не считая возможнымъ одобрять его дѣйствія и не желая въ то же время порицать, чтобы не заподозрили личную месть въ его отзывахъ. Но отъ этихъ дѣйствій за-

¹⁾ Записка намѣчена: New-York 12 (23) iuni 1807.

всѣла судьба Франціи. Но былъ увѣренъ, что въ безразсудныхъ предпріятіяхъ Наполеонъ погубить самого себя и весьма скоро; но опасался однако же, что жестокая и лицемерная тиранія во внутреннемъ управленіи, захваты военною силою чужихъ владѣній съ позволеннымъ войскамъ грабежомъ, обманъ и коварство въ сношеніяхъ съ другими державами могутъ имѣть гибельное вліяніе на французовъ. Въ бесѣдахъ съ близкими ему лицами онъ говорилъ про Наполеона: „этотъ человекъ срамитъ имя француза, скоро стыдно будетъ называться этимъ именемъ. На мое несчастное отечество посылаются проклятія вселенной и если Провидѣніе не поспѣшитъ оказать помощь моимъ несчастнымъ соотечественникамъ, можетъ быть, и они испытаютъ судьбу евреевъ: будутъ завоеваны, разсѣются по землѣ, преслѣдуемые проклятіями всѣхъ народовъ“. Грабежъ, который въ войскахъ Наполеона, поощряемый имъ самимъ и его генералами, составлялъ какъ бы необходимую принадлежность военныхъ дѣйствій, особенно возбуждалъ негодованіе Моро. Войска, находившіяся подъ его начальствомъ, сражались храбро и побѣждали; не теряя бодрости, отступали, когда слѣдовало отступать; но не грабили. На эту особенность честнаго полководца Моро счелъ долгомъ даже указать передъ судомъ. „Война подъ моимъ начальствомъ, говорилъ онъ, была бѣдствіемъ (fléau) только на полѣ сраженія. Когда побѣда мнѣ открывала путь въ среду непріятельскихъ народовъ, я старался заставить ихъ уважать французовъ столько же, какъ и страшиться ихъ оружія. Много разъ побѣжденные на опустошенныхъ ихъ поляхъ отдавали мнѣ долгъ справедливости въ этомъ отношеніи“. Это качество, какъ послѣдствіе вѣкового просвѣщенія, конечно, было чуждо и едва-ли понятно его геніальному, но дикому противнику. Сколько смущалъ Моро союзъ Наполеона съ Россією, только поднявшей его гордость и самоувѣренность до послѣдней крайности, столько онъ возлагалъ надеждъ на разрывъ въ 1812 г. Онъ считалъ безумнымъ предпріятіе Наполеона и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за походомъ. Чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, конечно, не безъ его вліянія, добровольно раздѣлявшій съ нимъ изгнаніе его адъютантъ Рапатель (Rapastel) обратился съ письмомъ отъ Моро къ нашему посланнику при Сѣверо-Американскихъ штатахъ Дашкову съ просьбою передать Императору его желаніе поступить къ нему на службу. Согласіе Императора получено было въ Америкѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и Рапатель немедленно

отправился въ Россію ¹⁾. Этотъ случай подалъ поводъ нашему посланнику войти въ ближайшія отношенія къ Моро, конечно, въ виду того, чтобы самого его привлечь на службу Россіи. Ему, конечно, были извѣстны желаніе и попытки Императора, клонивш.еся къ этой цѣли, онъ понималъ, что союзъ Россіи съ Францію не далъ имъ дальнѣйшаго хода; но что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, когда союзникъ безъ объявленія войны вторгнулся со всею Европою въ предѣлы Россіи, они могли быть возобновлены. Въ виду этой цѣли, онъ поддерживалъ сношенія съ Моро и сообщилъ объ этомъ канцлеру нашей Имперіи. „Если Императору было бы пріятно имѣть Моро въ своей службѣ, то настоящее время самое благопріятное для достиженія этой цѣли“, писалъ онъ графу Румянцеву. Съ пріѣзда въ Америку онъ велъ самый уединенный образъ жизни. Главными его занятіями были охота и рыбная ловля. Онъ, казалось, хотѣлъ пристраститься къ нимъ или лучше замѣнить ими страсть къ военному дѣлу, которой однако же никогда не побѣдитъ. Говорятъ, что онъ привезъ съ собою состояніе въ 200 тыс. долларовъ, которое большею частію принадлежитъ его женѣ. Г-жа Моро получила блистательное образованіе въ Парижѣ и обладаетъ дарованіями, которыя возбуждали удивленіе въ Европѣ. Она никакъ не можетъ привыкнуть къ здѣшнему обществу, ея слабое здоровье страдало отъ здѣшняго, вреднаго для иностранцевъ, климата, и ей рѣшительно недоставало средствъ воспитывать здѣсь свою дочь такъ же, какъ она сама воспитана. Черезъ нѣсколько дней она отправляется въ Европу, вѣроятно, получивъ разрѣшеніе Наполеона для поправленія своего здоровья. Генеральъ остается одинъ, наблюдать за имѣніемъ, которое онъ здѣсь приобрѣлъ въ духовномъ бездѣйствіи, которое, видимо, его тяготитъ, несмотря на силу характера, съ которой онъ переноситъ изгнаніе. Такое положеніе генерала Моро возбудило во мнѣ желаніе разузнать его намѣренія, но такимъ непримѣтнымъ способомъ, чтобы онъ не могъ подумать, что добытыя много свѣдѣнія могутъ послужить предметомъ официальнаго донесенія. Американцы доставили мнѣ возможность говорить съ нимъ о войскахъ, о тактикѣ и т. под. и, внимательно наблюдая за нимъ, я узналъ многіе изъ его взглядовъ, которые онъ излагалъ съ откровенностью военнаго чело-вѣка. Между прочимъ онъ говорилъ, что никогда не посовѣ-

¹⁾ Письмо Моро къ Дашкову, 4 іюня и депеша Дашкова къ гр. Румянцеву изъ Нью-Йорка 25 мая (6 іюня). Письмо гр. Палена къ гр. Румянцеву изъ Филадельфій 18 (30) апр. 1812 г.

туеть никому изъ своихъ друзей, который хотя сколько-нибудь дорожить своею извѣстностію, принимать начальство надъ американскими войсками; что есть только двѣ арміи, надъ которыми онъ съ удовольствіемъ принялъ бы начальство—русская и французская. Но послѣдняя уже развращена, и все искусство побѣдить Наполеона заключается въ томъ, чтобы избѣгать рѣшительныхъ сраженій, что Удино не принадлежитъ къ числу друзей Наполеона и т. под. Когда я говорилъ ему, какія выгоды могла бы извлечь его супруга какъ для воспитанія дочери, такъ и для своего здоровья и пріятности жизни, если бѣ поселилась въ Россіи, онъ соглашался и замѣтилъ, что это единственная страна, гдѣ бы онъ могъ пользоваться наибольшимъ счастіемъ, и съ восторгомъ говорилъ объ особѣ нашего Государя, о своей къ нему привязанности, о его уваженіи къ французскому народу и желаніи ему благоденствія“.

Ал. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

